

Глава 1

АОМАМЭ

Самый скучный город на свете

Сезон дождей еще не закончился, но небо уже голубело, и солнце щедро припекало землю. Тени от пышных ив мерно колыхались на тротуаре.

Тамару встретил Аомамэ у ворот. В темном летнем костюме и рубашке с галстуком. Без единой капельки пота на лице. Как такие верзилы умудряются не потеть в столь дикую жару, всегда оставалось для Аомамэ загадкой.

Завидев ее, Тамару коротко кивнул и буркнул что-то неразборчивое. Легкой беседы, какая обычно между ними завязывалась, на этот раз не последовало. Тамару прошагал по длинному коридору, не оглядываясь, — до самой двери в гостиную, где их ожидала хозяйка. Похоже, сегодня ему не хотелось общаться вообще ни с кем. Наверное, из-за смерти овчарки, подумала Аомамэ. Хоть он и сказал ей по телефону, что собаке замену найти несложно, свои подлинные чувства он просто скрывает. С этой псиной он прожил несколько лет душа в душу. И ее внезапную, необъяснимую гибель

наверняка воспринял как трагедию, а то и как личный вызов.

Отворив дверь, Тамару пропустил гостью вперед, а сам застыл в проходе, ожидая указаний хозяйки.

— Напитков пока не нужно, — сказала та.

Мужчина кивнул и, закрыв за собою дверь, оставил женщин наедине. На столике сбоку от кресла хозяйки громоздился круглый аквариум с двумя рыбками. Самыми обычными, золотыми и банальной морской травой. Ничего удивительного, вот только... В этой просторной гостиной Аомамэ появлялась уже много раз, но рыбок видела здесь впервые. Тихонько работал кондиционер: по коже то и дело гулял едва ощутимый ветерок. За спиной хозяйки стояла ваза с тремя белоснежными лилиями. Большие, призывно распахнутые цветы напоминали диковинных существ из другого мира, замерших в медитации¹.

Слабым взмахом руки хозяйка пригласила девушку сесть. Аомамэ подошла и опустилась на диван напротив. Кружевная занавеска на окне, выходившем в сад, почти не спасала от летнего солнца. В его ярких лучах хозяйка выглядела неожиданно усталой и разбитой. Безвольно подпирая щеку узенькой ладонью, старушка утопала в огромном кресле. Глаза ее ввалились, морщин на

¹ Лилия (юри) в Японии обычно символизирует любую близость. (Здесь и далее прим. переводчика.)

шее стало чуть ли не вдвое больше. Уголки бледных губ и кончики длинных бровей, словно устав бороться с земным притяжением, сползли вниз до предела. Возможно, от замедленного тока крови кожа на ее лице и руках словно покрылась белой пылью. Казалось, будто с прошлого визита Аомамэ хозяйка состарилась лет на пять или шесть. И теперь у нее больше не было сил скрывать свою усталость от кого бы то ни было. Что и поражало сильнее всего. Обычно — по крайней мере, перед Аомамэ — старушка включала всю силу воли, чтобы выглядеть бодрой и подтянутой. И стоит отметить, до сих пор это ей удавалось практически на все сто.

Но теперь в этом доме многое изменилось, заметила Аомамэ. Даже свет в гостиной окрасился в другие тона. Не говоря уже о том, что рыбки в аквариуме крайне плохо сочетались с высокими полками и антикварной мебелью.

Довольно долго хозяйка не говорила ни слова. Просто сидела, подперев щеку ладонью, и смотрела в одну точку. Хотя даже по ее лицу было ясно, что в этой точке ничего нет.

— Пить не хочешь? — наконец спросила старушка.

— Нет, спасибо, — ответила Аомамэ.

— Там чай со льдом. Захочешь — наливай...

На раскладном столике у двери стояли кувшин

Харуки Мураками

с чаем и три стакана резного стекла, каждый — своего цвета.

— Благодарю, — кивнула Аомамэ. Но осталась сидеть, ожидая продолжения.

Однако хозяйка опять замолчала. Возможно, просто оттягивала момент, когда истина, высказанная вслух, окончательно превратится в реальность. Старушка перевела взгляд на рыбок в аквариуме. И, наконец решившись, посмотрела на Аомамэ в упор.

— О смерти собаки, охранявшей приют, Тамару тебе уже рассказал?

— Да, я слышала.

— Дикая, непостижимая смерть... — Хозяйка поджала губы. — А теперь еще и малышка Цубаса пропала.

У Аомамэ вытянулось лицо:

— Как пропала?!

— Исчезла куда-то. Кажется, прямо среди ночи. Утром ее никто уже не видел.

Кусая губы, Аомамэ пыталась что-нибудь сказать. Но подходящих слов на ум не приходило.

— Но... Ведь вы говорили, что девочку не оставляют одну! — воскликнула она. — И что в ее комнате всегда ночует еще кто-нибудь для надежности.

— Да, но странное дело: этой ночью женщина, которая с ней оставалась, уснула так крепко, что

вообще ничего не слышала. Утром проснулась, а постель Цубасы пуста.

— Значит, ребенок пропал на следующую ночь после гибели пса? — уточнила Аомамэ.

Хозяйка кивнула:

— Пока не знаю, есть ли здесь какая-то связь... Но так и чудится, в этом есть что-то общее.

Блуждающий взгляд Аомамэ задержался на золотых рыбках. Хозяйка перехватила его и посмотрела туда же. Две рыбки, едва заметно шевеля плавниками, не спеша перемещались туда-сюда по стеклянному водоему. Лучи летнего солнца так чудно преломлялись в воде, что невольно казалось, будто подглядываешь за жизнью на дне океана.

— Этих золотых рыбок я купила для Цубасы, — объяснила хозяйка. — Здесь, в Адзабу, проходил праздник улицы, я вывела девочку погулять. Все-таки долго сидеть в четырех стенах вредно для здоровья. Тамару, конечно, всю дорогу был с нами. Вот там в одном магазинчике и купила рыбок, а заодно и аквариум. Уж очень они ей понравились. Когда поставила у нее в комнате, она целый день на них глядела, не отрываясь. А сегодня, когда малышка пропала, я забрала аквариум сюда. Тоже весь день гляжу и не могу отвести глаз. Ничего больше не делаю — просто сижу и смотрю. Как ни странно, это занятие никогда не надоедает.

До сих пор не пробовала так долго и пристально разглядывать аквариумных рыб.

— Но куда же девочка могла уйти? — спросила Аомамэ. — У вас есть догадки?

— Ни малейших, — ответила хозяйка. — В ее жизни нет родных, у которых можно укрыться. Насколько я знаю, идти в этом мире ей совершенно некуда.

— А может, кто-то увел ее насильно? Об этом вы не думаете?

Хозяйка качнула головой — нервно и коротко, словно отгоняя назойливого комара.

— Нет, это исключено. Увести ее насильно никто не мог. Случись такое, проснулся бы весь приют. Кто-кто, а эти женщины спят всегда очень чутко. Я думаю, Цубаса ушла по собственной воле. На цыпочках, чтобы никто не услышал, спустилась по лестнице, тихонько отперла дверь и ушла. Как раз это я могу представить легко. Пройди она к воротам мимо сторожевого пса, тот и твякнуть бы не посмел. Хотя собака умерла прошлой ночью. А девочка даже не переоделась. Хотя одежда была для нее приготовлена и сложена прямо у постели, она так и ушла в пижаме. И денег с собой не взяла...

Аомамэ еще больше нахмурилась:

— Одна? В пижаме?

— Именно, — кивнула хозяйка. — Куда может отправиться ночью десятилетний ребенок — один, в пижаме, без денег? Да это просто немыслимо! Но

я не считаю, будто произошла какая-то аномалия. Наоборот, нечто подобное *должно было* случиться рано или поздно. Вот почему я даже не пытаюсь разыскивать бедное дитя. А только сижу и разглядываю рыбок. — Хозяйка бросила взгляд на аквариум, затем снова обратила его к Аомамэ: — Просто я уже понимаю: искать ее бесполезно. Она теперь там, докуда нам не дотянуться...

Сказав так, старушка отняла руку от подбородка и выдохнула — так протяжно, словно сбрасывала все напряжение, что накопилось в душе. И бессильно уронила руку на колено.

— Но зачем ей было уходить? — удивилась Аомамэ. — Все-таки в приюте она под защитой, да и податься больше некуда...

— Зачем — не знаю. Но уверена, что гибель собаки сыграла роковую роль. Оказавшись здесь, малышка сразу полюбила этого пса, и тот сильно к девочке привязался. Они дружили неразлейвода. От его страшной, необъяснимой гибели девочку словно подменили. Да что там — все взрослые обитательницы приюта до сих пор в шоке! Но все-таки очень похоже, что убийство собаки — сигнал именно для малышки Цубасы.

— Сигнал? — подняла брови Аомамэ. — Какой же?

— «Ты не должна здесь находиться. Мы знаем, где ты. Уходи отсюда. Иначе с теми, кто тебя окружает, случится что-нибудь еще страшнее».

Пальцы хозяйки мерно постукивали по колену, словно отсчитывая секунды. Не говоря ни слова, Аомамэ ждала продолжения.

— Скорее всего, девочка поняла, о чем ее предупреждают, и решила уйти сама. Против собственного желания. Прекрасно понимая, что идти больше некуда. Но не уйти нельзя. Как представляю, что у бедняжки в голове творилось, просто с ума схожу... Чтобы десятилетний ребенок сам принял *такое* решение?..

Аомамэ захотелось протянуть руки и сжать хозяйкины пальцы в своих. Но она сдержалась: разговор еще не закончен.

— Что говорить, — продолжала хозяйка, — для меня это страшный удар. Будто отрубили часть тела. Я ведь уже готовила документы на удочерение. Собиралась официально воспитать ее как родного ребенка. Понимала, что это непросто. Что, если малышка так и не сможет прийти в себя, жаловаться будет некому. Но именно поэтому еще сильнее хотела попробовать. Хотя, если честно, здоровье в мои годы уже не то...

— Но вдруг она скоро вернется? — предположила Аомамэ. — Денег у нее нет, идти некуда...

— Хотелось бы верить, — бесстрастно проговорила хозяйка. — Но скорее всего, этому не бывать. Кто в десять лет решил уйти куда глаза глядят, как правило, не возвращается.

Извинившись, Аомамэ встала, подошла к сто-

лику, взяла бирюзовый стакан из резного стекла, налила себе холодного чаю. Пить совсем не хотелось. Просто нужен небольшой тайм-аут. Вернувшись и сев на диван, она отхлебнула чаю и поставила стакан на стол.

— На этом разговор о Цубасе закончим, — объявила хозяйка. И, словно подводя черту под темой беседы, распрямила спину и сцепила руки на коленях. — Поговорим об «Авангарде» и его Лидере. Я расскажу тебе все, что узнала. Это главное, ради чего ты сегодня здесь. В итоге ты сама поймешь, как и что здесь связано с малышкой Цубасой.

Аомамэ кивнула. Именно это она и ожидала услышать.

— Как я уже говорила, Лидера необходимо переправить в мир иной во что бы то ни стало. Это человеческое отродье постоянно насилует десятилетних девочек. Для него это *ритуал*. Девочки еще и понятия не имеют о менструациях. Для оправдания своих мерзостей он использует изобретенные им же самим религию и оккультную секту. О секте я постаралась узнать как можно подробнее. Поручила расследование нужным людям, оплатила их работу. Должна заметить, на это потребовалось куда больше усилий, чем я себе представляла. И гораздо больше денег. Но в итоге я смогла-таки вычислить всех четырех девочек, которых изуродовал этот мерзавец. Четвертой была малышка Цубаса.

Аомамэ взяла стакан, сделала еще глоток. Но

вкуса чая не поняла. Ее рот словно набили ватой, которая не давала языку разобрать, что есть что.

— Детали пока неизвестны, — продолжала хозяйка, — но по меньшей мере две девочки из четырех по-прежнему живут в секте. Говорят, они — особы, приближенные к Лидеру, вроде жриц. Обычным членам секты увидеть их не дано. По своей воле они играют эти роли или просто не могут сбежать — пока неясно. Как и то, продолжает ли спать с ними Лидер. Но как бы там ни было, обе живут с этим чудовищем под одной крышей. Жилище Лидера изолировано от посторонних, ни один простой член секты не может к нему даже приблизиться. Что там творится — сплошная тайна не только для внешнего мира, но и для большинства сектантов.

Резной стакан совсем запотел. Хозяйка выдержала паузу и, глубоко вздохнув, продолжала:

— Впрочем, один факт известен наверняка. Самой первой из четырех жертв Лидера стала его собственная дочь.

Аомамэ перекорежило. Мышцы лица разъехались в стороны. Она пыталась что-то сказать, но слова застревали в горле, и голос не слушался.

— Да, — подтвердила хозяйка. — Считается, что именно родную дочь он изнасиловал прежде всех остальных. Семь лет назад, когда девочке только исполнилось десять.

Сняв трубку интеркома, хозяйка попросила Тамару принести бутылку хереса и два бокала. Женщины помолчали — каждая о своем. Вскоре открылась дверь, и Тамару вкатил тележку с только что откупоренной бутылкой вина и парой хрустальных бокалов благородной огранки. Ловким движением пальцев, словно откручивая голову пойманной птице, вывернул из бутылки пробку и со звонким журчаньем разлил вино. Хозяйка кивнула, Тамару отвесил легкий поклон и тут же вышел. Как всегда, без единого слова — и абсолютно бесшумно.

Дело не только в собаке, догадалась Аомамэ. Исчезновение ребенка (к тому же чуть ли не самого близкого существа для мадам) — вот что уязвило Тамару до глубины души. Само собой, обвинять его в этом напрямую нельзя. Все-таки он — наемный работник и, если только нет особых поручений, каждый вечер возвращается домой, где занимается своими делами и спит. И гибель собаки, и пропажа Цубасы случились ночью, когда Тамару здесь не было, и защитить их в это время он никак не мог. Тем более, что его прямая обязанность — обеспечивать безопасность «Плакучей виллы» и лично ее хозяйки. Для охраны любых объектов снаружи, включая приют, у него просто не хватит рук. И все же, и все же... Сам Тамару был убежден, что оба происшествия — результат его недосмотра, а этого он простить себе не мог.